

Музей истории донского казачества
Кемеровский государственный университет

КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ И АНТИЧНЫЙ МИР

(Материалы дискуссии II-го археологического семинара)

НОВОЧЕРКАССК 1993

От редактора

В публикуемом сборнике помещены выступления и письменные отзывы участников II-го семинара «Античная цивилизация и варварский мир» на опубликованные в одноименном сборнике (Новочеркасск, 1989) и прочитанные доклады. Встречающиеся в тексте ссылки на страницы подразумевают упомянутый сборник. Специфика жанра потребовала от меня оставить по возможности без изменения стилистику и орфографию авторов, за которые я не несу ответственности, равно как и за высказанные в отзывах мнения.

Новочеркасск, апрель 1993 г.

**Д. А. МАЧИНСКИЙ. БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И
ТАНАИС В ИСТОРИИ СКИФИИ И СРЕДИЗЕМ-
НОМОРЬЯ VIII—V ВВ.
ДО Н. Э**

Б. П. Селецкий

Собственно сам доклад Д. А. Мачинского, представляющий собой нечто иное, как очередную попытку реконструировать этногеографию Скифии и сакрально-торговые пути, связывавшие евразийские степи со Средиземноморьем, не может вызвать особых возражений. Можно лишь сказать, что такого рода реконструкция не может претендовать ни на безусловную «достоверность», ни даже на «вероятность», но лишь на «возможность», на «допустимость». Это явствует хотя бы из того, что Фасис Гекатея равно может быть как Кубанью, так и Доном (с. 18–19). В последнем случае вся реконструкция маршрута Аристея «повисает в воздухе». Столь же легковерным представляется аргумент в пользу пути Аристея и гиперборейских даров через Прикубанье, основанный на разновременных находках VII и IV вв. до н. э., отражающих темы грифономахии в Келермесских курганах и в Б. Близнице: возникает вопрос, стоит ли столь искусственно, и, в сущности, совершенно произвольно «привязывать» письменные источники к археологическому материалу (с. 20–21)?

Очень легковерное, и, мягко выражаясь, странное впечатление производит выражение автора: «Но тут я узнал о книге К. Ясперса. ..» (с. 8). Что означает это выражение? Д. А. Мачинский «узнал» о работе от коллег, изустно, или прочел рецензию на нее, или ознакомился с самой работой? Как далеко простирается «знание» Д. А. Мачинского? Это остается тем более неясным, что автор не знает издания этой книги 1956 г.¹. В любом случае, это выражение в статье или докладе научного работника звучит весьма странно и двусмысленно.

Столь же странное впечатление на фоне рассуждений автора о социально-сакральных и даже «экстрасенсорных» глубинах производит восходящее, в сущности, к весьма плоскому «евгемеризму» рассуждение о том, что «реальный основной прообраз Аристеевых грифов, позднейших грифонов. – это гигантские грифы, особенно многочисленные в пустынных предгорных районах, питающиеся падалью и благодаря этому как бы олицетворяющие собой связь всего живущего и круговорот веществ и энергий; это же роднит их с золотом, материализованным всепожирающим огнем...» (с. 23). Такого рода объяснение мифологического образа грифонов представляется одновременно и чересчур упрощенным, и чрезвычайно усложненным. И уж во всяком случае грифов нельзя привязывать исключительно к предгорьям Алтая (с. 23) и считать их наличие там сколько-нибудь веским доказательством в пользу реконструкции Д. А. Мачинского. Однако, если в конечном счете, эта реконструкция автора представляется вполне допустимой гипотезой, хотя и нуждающейся в серьезной дополнительной аргументации, то этого никак нельзя сказать о его «вводном экскурсе» (с. 7–15). Стремление Д. А. Мачинского любой ценой доказать, что сакрально-культурные сдвиги, отмеченные К. Ясперсом в период с 800 по 200 гг. до н. э., предшествовали или, в лучшем случае, сопровождались технологическими и экономическими сдвигами (с. 8), вступает в непримиримое противоречие с приводимыми Д. А. Мачинским фактами. Он пытается опровергнуть широко распространенную и, на наш взгляд, совершенно правильную точку зрения, что именно переход к железу² был предпосылкой социальных потрясений, породивших новые идейные течения 1 тыс. до н. э. (с. 9)³. Даже оставляя в стороне свидетельства письменных источников о железе халибов (с. 9; Strab., XII, 549 – 551; Verg., С, 1, 58), из данных, приводимых самим Д. А. Мачинским, с несомненностью явствует, что появление техники получения железа и начало его использования (напр. Белозерская к-ра, XIII в. до н. э.; с. 11) бесспорно предшествует тем сакрально-культурным явлениям, которые К. Ясперс относит к 800 – 200 гг. до н. э. Правда, *post hoc* еще не означает *propter hoc*. Однако остается фактом, что Д. А. Мачинский пытается «подогнать» факты к своей концепции. То, что «полная победа железа» относится к VIII–VII вв. до н. э., отнюдь не меняет дела: технология получения железа родилась, самое позднее

в XIII – XII вв. до н. э., т. е. на 400 – 500 лет раньше упо-минутых выше идеологических сдвигов. Тот факт, что Д. А. Мачинский не может назвать первопричину такой явлений, как: а) переселение «народов моря»⁴ и б) греческая колонизация, представляется исключительно его личным делом и не может вызвать никаких иных соображений и чувств кроме глубочайшего сожаления, т. к. вышеупомянутым историческим явлениям уже даны вполне удовлетворительные с общепринятой точки зрения объяснения, известные любому студенту-историку I курса⁵. В сущности, все передержки, искусственные построения и претензии на оригинальность мышления Д. А. Мачинского сводятся к весьма пошлой попытке объяснить исторические явления неким воздействием на человечество какой-то никем никогда не выявленной (кроме, разумеется, Л. Н. Гумилева) таинственной «геокосмической» сферы, под которой весьма нетрудно угадать «божественный промысел», каковой может являться предметом богословского, но никак не исторического исследования. Стоит ли говорить, что здесь мы имеем дело с нарушением всех правил научного исследования, в т. ч. и выдвинутых такими вполне «христианскими» учеными, как В. Оккам (правило бритвы) и Р. Декарт (атрибуты истины в «правилах для руководства ума»). Позволительно спросить Д. А. Мачинского, почему он, вероятно, не допускает мысли о вмешательстве в его частную жизнь домовых, леших, русалок и т. п. (если он таковое вмешательство допускает, нам остается лишь принести свои извинения), совершенно серьезно допускает вмешательство в жизнь всего человечества столь, с позволения сказать, неопределенных факторов, как таинственная «геокосмическая» сила? Здесь уместно поставить вопрос о моральной ответственности «учительства» и о праве ученого на полный произвол и полное пренебрежение правилами научного исследования. Здесь мы имеем дело с такими явлениями, как вседозволенность, анархия мышления и отсутствие всякой элементарной логики, граничащие с бредом, которые, как это отмечено, например, в рец. С. Абдулло на книгу Л. Пашенко,⁶ получили в наши дни достаточно широкое распространение в самых различных сферах «интеллектуальной» жизни.

О степени солидности и фундаментальности аргументации Д. А. Мачинского можно судить, напр., по его следующему утверждению: «Как доказал А. Н. Щеглов, местные жители не продавали в VII – V вв. до н. э. своего хлеба гре-

кам, а известная фраза Геродота о скифах-пахарях, что они «сеют хлеб... на продажу» должна переводиться «сеют хлеб... для сожжения» (с. 15). Некритериеспособность А. Н. Щеглова и его стремление любой ценой быть оригинальным сослужили в данном случае весьма плохую службу Д. А. Мачинскому. Сам А. Н. Щеглов явно исходит из приведенного в комментарии к IV кн. Геродота ⁷ толкования А. Кольстера, который выводит $\pi\rho\eta\upsilon\varsigma$ и $\pi\rho\eta\upsilon\omega$ и поэтому считает, что скифы сеют хлеб для сожжения. Работа А. Кольстера была опубликована в 1846 — 47 гг. и никогда не воспринималась иначе, чем курьез. В комментарии это прямо не оговаривается. Однако, составители «Комментария» оговаривают во «Введении», что в комментарии отмечаются лишь прямые ошибки и погрешности. Данный случай относится, в сущности, к разночтениям. Но, как явствует из комментария в целом, составители, как правило, отвергают неприемлемые точки зрения, приводя, в противовес им, воззрения тех ученых, которые считаются правильными. Так, в частности, нигде прямо не отвергаются фантастические взгляды Б. А. Рыбакова по поводу похода Дария I на скифов, высказанные в книге «Геродотова Скифия». Для их опровержения в комментарии применяется указанный выше прием: излагая историю изучения вопроса, комментаторы излагают точку зрения Б. А. Рыбакова, тут же противопоставляя ей опирающийся на исчерпывающий источниковедческий анализ текста Геродота общепринятый взгляд, согласно которому Геродот сильно преувеличил расстояние, пройденное персами в Скифии.

С той же целью курьезной точке зрения А. Кольстера противопоставляется, основанная на серьезном анализе первоисточника и специально посвященная скифам-пахарям статья В. Фогеля, ⁸ который ясно доказывает, что предложенное А. Кольстером толкование текста является совершенно неприемлемым.

Наконец, позволительно также спросить, на каком основании Д. А. Мачинский без всяких аргументов или оговорок утверждает, что население степной зоны перешло к кочевому хозяйству в IX — VIII вв. до н. э. (с. 26)? Между тем вопрос о времени возникновения кочевого хозяйства настолько дискуссионен, что его появление относят к совершенно различным датам с амплитудой от неолита до середины I тыс. н. э. ⁹. Поэтому самая элементарная научная добросовест-

ность исключает безапелляционность, с которой Д. А. Мачинский делает такого рода ответственные заявления.

В целом докладу Д. А. Мачинского свойственно внутреннее противоречие, состоящее в сочетании совершенно иррационального взгляда на исторический процесс (с. 14) с рациональными методами исследования, достигающими до евгеме-ризма. (с. 23).

¹Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Ungekürzte Ausgabe. Frankfurt a/M, 1956.

²Речь в данном случае идет собственно об открытии сыродутного способа получения железа (точнее — плохой стали), а не о широком распространении железа и окончательной победе его над бронзой (с. 10), чего, в сущности, не было на протяжении всей античности, когда бронза несоизмеримо шире, чем в новое время, применялась в металлургии.

³Остается не совсем понятным, почему Д. А. Мачинский цитирует в данном случае именно А. И. Зайцева, когда эта точка зрения задолго до него была высказана другими авторами?

⁴Это переселение «народов моря» следует, на наш взгляд, сравнивать не с походами викингов, а с походом кочевников-аваров при императоре Гераклии на Константинополь, в котором принимал, как известно, активное участие флот оседлых славянских подданных (данников) аваров. Во всяком случае, сочетание на египетских изображениях кибиток с высокими колесами, в которых воинов «народов моря» сопровождали по суше их женщины и дети, с морскими ладьями, никак не может ассоциироваться с преимущественно морскими предприятиями скандинавских конунгов.

⁵О греческой колонизации см., напр., любой учебник истории Древней Греции для вузов; о миграциях кочевников см.: Селецкий Б. П. Методическое пособие к спецкурсу «Некоторые проблемы современного кочевниковедения». Псков, 1986.

⁶Лит. газета, 9 августа 1989 г., № 32.

⁷Доватур А. И. и др. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, с. 231, № 207.

⁸Vogel W. Rflugbau-Skythen und Hackbau-Skythen. Festschrift Ed. Hahn. Stuttgart, 1917.

⁹Селецкий Б. П. Методическое пособие... , с. 9 сл.

Ю. А. Кочубей

Доклад Д. А. Мачинского поставил ряд серьезных проблем-вопросов, которые, в отличие от «свободной манеры» изложения текста, являются очень сложными в своем решении. Автор изложил свое понимание этнополитической истории евразийских степей в названный период, в котором представляется наиболее интересным следующее:

1. Вопрос об этнических компонентах в среде сарматской общности остается неразработанным со времен М. И. Ростовцева, П. Д. Рау, Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова. История исседонов – одного из мощных раннекочевнических этносов-союзов не выходит по настоящее время за рамки предположений. Д. А. Мачинский, локализуя исседонов, остается верен своей гипотезе нач. 70-х гг.; он по-прежнему соотносит их с самаро-уральской группой археологических памятников конца VII – рубежа V–IV вв. до н. э. в Южном Приуралье.
2. Автор предлагает называть эту группу памятников «самаро-уральской» или «орской» культурой, «поскольку принятое именование ее «савроматской» вносит дезориентацию и путаницу». Здесь с автором можно согласиться, т. к. для Южного Приуралья, сам термин «савроматы», как этноним, чисто условен. К. Ф. Смирнов неоднократно в своих работах подчеркивал это. Остановимся на нерешенных аспектах этой проблемы:
  - а) сакская археология в отличие от скифской все еще не имеет достоверных ориентиров для определения генезиса культуры;
  - б) методика этнической интерпретации памятников археологии раннего железного века является одной из самых остродискуссионных и малоразработанных проблем современной археологии.
3. Оригинальным выводом, в понимании Д. А. Мачинского, является вывод о том, что Аристей установил закон степей, т. е. «...неуклонное движение кочевых орд с востока на запад, военное преобладание восточных соседей над западными...», которое подтверждалось всей последующей историей евразийских степей, а также признание Аристей первым составителем этнокарты степей от Кавказа до Алтая.

М. Б. ЩУКИН. НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ САРМАТИИ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В. П. Былкова

Автор анализирует обстановку в Днепровско-Дунайском междуречье с конца IV в. до н. э. до нач. II в. н. э. Выступая сторонником ранней датировки нашествия сарматов на Скифию, М. Б. Щукин подкрепляет аргументацию Д. А. Мачинс-

кого; отмечаются трансформации в скифской культуре — прекращение захоронений «царских» курганов, концентрация новых памятников — позднескифских городищ – в Крыму и Нижнем Поднепровье, отсутствие памятников III в. до н. э. в остальной части Скифии. Не претендуя на полный анализ содержательного, охватившего широкий круг проблем доклада, хотелось бы остановиться на частности: уточнить ситуацию в Нижнем Поднепровье в рассматриваемое время, используя результаты раскопок скифских и позднескифских памятников, проведенных в 80-х гг. (работы М. Абикуловой, С. Буйских, В. Былковой, Н. Гаврилюк).

Массовый материал скифских поселений и могильников рассматриваемого региона датируется IV в. до н. э., однако в керамическом комплексе скифских поселений присутствуют фрагменты амфор Коса конца IV–III вв. до н. э., на поселениях ольвийской хоры имеется античный материал нач. – первой пол. III в. до н. э., в могильнике Белозерского городища найдены чернолаковые сосуды конца IV – первой трети (первой пол.) III в. до н. э. Таким образом, как скифские, так и древнегреческие поселения в Нижнем Поднепровье на протяжении первой пол. III в. до н. э. прекращают существование, но следует отметить отсутствие следов их насильственного уничтожения.

Позднескифские городища в Нижнем Поднепровье возникли не в тех местах, где прежде существовали скифские (исключение составляет Каменское городище и его «акрополь»). Нижний слой позднескифских городищ датируется, как правило, I в. до н. э., лишь на нескольких есть материал II в. до н. э. Городища ольвийской хоры, основанные в последней четв. I в. до н. э. – первой четв. I в. н. э., часто наслаиваются на поселения раннеэллинистического времени, но преемственность между ними не прослеживается (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989).

Таким образом, для скифских памятников Нижнего Поднепровья не представляется возможным принять 330 – 310 гг. до н. э. в качестве переломной даты, с которой прослеживаются определенные трансформации. Нет оснований считать концентрацию позднескифских городищ в Нижнем Поднепровье аргументом в пользу ранней даты разгрома Скифии сарматами. Дата основания большинства позднескифских городищ Нижнего Поднепровья противоречит как этому утверж-

дению, так и тому, что в III–II вв. до н. э. цепочка позд-нескифских городищ могла служить препятствием для продвижения сарматов на запад. Памятников второй пол. III–II вв. до н. э. в Нижнем Поднепровье почти нет, скифское население покинуло регион (Полин, 1984). Однако, не исключено, что к III в. до н. э. относится больше памятников, чем принято считать, поскольку датировка скифских погребений основана, преимущественно, на античном импорте, а в первой пол. III в. до н. э. на рассматриваемой территории он значительно сократился.

И. Н. Храпунов

1. Выделение М. Б. Щукиным волн сарматских миграций, вероятно, окажется плодотворным для изучения истории не только собственно сарматов, но и других племен и народов, находившихся с ними в тесном контакте. Одним из таких народов были поздние скифы.

2. Пятая волна сарматского нашествия (конец I – нач. II в.) привела не только к гибели нижнеднепровских позднескифских поселений, что справедливо отметил автор (замечу только, что не всех; например, на могильнике Красный Маяк продолжали хоронить, до середины III в. н. э.). В это же время жители оставляют СЗ Крым и Булганакское пос. в Центральном Крыму. Причем, судя по раскопкам последнего в 1989 г., сарматская угроза заставила население сначала сконцентрироваться на маленьком акрополе, и лишь через 40–50 лет, в середине II в. н. э., окончательно покинуть поселение. Пожары и разрушения прослежены в столице крымских скифов и на Усть-Альминском городище. Приблизительно синхронна этим событиям гибель ряда поселений Европейского и Азиатского Боспора, а также строительство на других поселениях оборонительных сооружений. Имеется ряд надписей, из которых ясно, что в постоянные и недружественные контакты с варварами вынуждена была вступать Ольвия, которая то воевала с ними, то посылала к ним своих послов. Ок. середины II в. н. э. гибнут многие поселения ольвийской округи. Вероятно причиной активных военных действий, происходивших одновременно (насколько можно судить по археологическим памятникам) на огромных территориях, стало

крупное продвижение сарматских племен. Причем, не обязательно сарматы разрушали каждое из упомянутых выше поселений. Например, с ольвиополитами могли воевать теснимые сарматами приднепровские скифы (в надписях варвары именовались то скифами, то сарматами), а поселения ольвийской округи, возможно, были разрушены тавроскифами (не исключено, что это были недавние жители СЗ Крыма), с которыми Ольвия воевала при Антонине Пие. Но все эти события были бы, вероятно, невозможны, если бы не передвижение сарматов, удачно зафиксированное М. Б. Щукиным.

3. В последние годы получила распространение гипотеза, согласно которой Фарзой и Иненсимей, по традиции принимаемые за царей крымских скифов, были сарматскими царями. В пользу этой точки зрения обычно приводятся два аргумента: во-первых, на монетах царей стоят сарматские тамги, во-вторых, монеты Фарзоя и Иненсимея не найдены в Крыму. Но сарматские знаки в изобилии обнаружены и на позднескифских памятниках Крыма, а находки монет не обязательно очерчивают границы государства; многое зависит от археологической случайности. Например, монеты Скилура до 1985 г. в Крыму также не находили, что не мешало всем исследователям (благодаря другим источникам) считать его царем крымских скифов. Поэтому, пожалуй, можно признать, что «сарматская», как и «скифская» гипотезы, остаются равно недоказанными.

4. В принципе, нельзя сбрасывать со счетов возможность политического подчинения нижнеднепровских позднескифских поселений сарматам, но неясно, почему это следует из эпитафии Т. Плавтия Сильвана. Даже если поход на Херсонес Таврический был сухопутным, маршрут римлян мог быть проложен южнее нижнеднепровских поселений и затронуть, напр., ольвийскую округу. Впрочем, Ольвия, так же как и скифские поселения, в надписи не упомянута.

5. По мнению М. Б. Щукина материальная культура скифов и сарматов в I в. н. э. не очень различается. Думается, что это не так. Скифы заимствовали у сарматов вооружение, многие детали костюма (особенно женского) и некоторые типы лепных сосудов. В остальном скифская культура оставалась самобытной. Достаточно вспомнить, что скифы, в отличие от кочевников-сарматов, жили в долговременных, хорошо укрепленных поселениях, пользовались орудиями труда, которые никогда не находят в сарматских погребениях, хоро-

нили с соблюдением традиционных обрядов в своеобразных погребальных сооружениях, изготавливали только им присущие лепные сосуды и пр.

6. М. Б. Щукин полагает, что разгром скифов сарматами между 330–310 гг. до н. э. подтверждается прекращением захоронений в «царских» курганах и появлением позднескифских поселений. Заметим в связи с этим, что «царские» курганы, возможно, сооружались и позднее, напр., Чертомлык. Позднескифские поселения и в Крыму и на Днепре возникли, безусловно, позже. Единственное, на мой взгляд, исключение – поселение на месте будущей столицы позднескифского государства. Но даже для него многие исследователи отвергают IV в. до н. э., как дату основания.

7. У автора вызывает сомнение этническая принадлежность погребенных в Тираспольских курганах. Можно предположить, что курганы, о которых идет речь, оставлены последними потомками кочевых скифов, живших в Поднестровье, т. е. в наибольшем удалении от сарматов, и не перешедших к оседлости, как это случилось в Крыму и на Нижнем Днепре.

Б. П. Селецкий

Что касается доклада М. Б. Щукина, то необходимо помнить, что более или менее точное время появления и роль сарматов в Западном Прикубанье по сей день являются дискуссионными (ср. с. 121). Поэтому локализацию сарматов в районе Сиваша между 330 и 310 гг. до н. э. никак нельзя считать твердо установленной (с. 31), несмотря на статью Д. А. Мачинского, на которую ссылается автор (с. 31, сн. 1).

М. Б. Щукин

К предложенному для обсуждения тексту доклада следовало бы сделать одно уточнение. Была высказана мысль о возможной связи таких комплексов как Великоплатское, Семеновка, Бубуечи, Бравичены и Марьевка с сарматами царя Сайтофарна, упомянутого в декрете Протогена. При этом я

исходил из общепринятой даты декрета рубежом III–II вв. до н. э. Однако специальное изучение хронологии кельтских вещей, находимых на землях к востоку от Карпат, заставляет теперь склониться к мысли об их более ранней дате, а следовательно и поставить вопрос о более раннем появлении в Причерноморье галатов, угрожавших Ольвии. По последним расчетам описанные в декрете события скорее всего могли иметь место в 80–40 или 60–40-х гг. III в. до н. э. Хронология комплексов из Великоплатского, Семеновки и Бубуечи этому как-будто не противоречит.

Кстати, не совсем точна ссылка А. В. Симоненко на текст декрета, отмечающего якобы одновременную угрозу городу со стороны галатов и скифов. Совместно с галатами выступали не скифы, а скиры. Скифы же как раз «тоже опасались жестокости галатов». А тот факт, что скифы ищут в этой связи укрепленного места, вряд ли можно трактовать как угрозу Ольвии с их стороны. Что же касается саев Сайтофарна, то, во-первых, это скорее сарматы, во-вторых, эти события, судя по тексту, предшествовали появлению галатов.

О событиях середины I в. н. э. Следует еще раз подчеркнуть, что, хотя аорсо-сиракский конфликт 49 г. и мог быть непосредственным толчком для продвижения сарматских групп на запад, но и сам конфликт скорее всего был лишь эпизодом в длинной цепочке событий, уходящей далеко на восток. Имеются свидетельства о волнениях в среде гирканцев, послы которых посещали Нерона и были вынуждены добираться обратно, минуя Парфию, кружным путем через Красное море и, вероятно, через Индию. Встает вопрос, не в это ли же самое время происходили и события, приведшие к возникновению Кушанского царства, о датировке которого ведутся столь оживленные споры? Находки китайских вещей – зеркал и нефритовых скоб для ножен мечей, в частности в Рошава Драгана, в таком контексте нашли бы свое объяснение.

По имеющимся на сегодня материалам трудно пока судить, сколь массовым было продвижение кочевников с востока в середине I в. н. э. и по каким путям оно проходило. Но для того, чтобы произошла цепная реакция политических перемен, массовое движение и не обязательно. Достаточно передвижения сравнительно небольших, но хорошо организованных групп, аристократических дружин и отрядов, реализу-

ющих давние и далекие династические связи и дестабилизирующих обстановку. Что же касается трактовки комплекса из Рошава Драгана, то можно предложить еще одну версию. Не имеем ли мы здесь дело со знатным сарматом, заложником, родственником Фарзоя и Инесмея, взятым Плавтием Сильваном, жившим во Фракии и там умершим?

И в этой связи несколько слов о характере похода Плавтия Сильвана на Херсонес. Появилась интересная статья В. М. Зубаря. Сильный аргумент в пользу морского похода остается один – в Херсонесе и в Хараксе стояли корабли и морская пехота. Но, с другой стороны, в эпитафии наместника ясно сказано: «Херсонес, который за Борисфеном». Это возможно лишь в том случае, если Борисфен по пути пришлось форсировать, а значит, при участии сухопутных войск. Поддерживая, как и В. М. Зубарь, идею комбинированного похода, я бы сделал все-таки акцент на сухопутном компоненте. Комендантские функции затем могли выполнять и подразделения морской пехоты.

И в заключение, о надписи 193 г. н. э. из Танаиса. Ее неоднократно уже использовали как свидетельство сохранения сираками своих территорий и сил после 49 г. н. э. Но Плиний Старший, достаточно хорошо знавший ситуацию из разговоров с Плавтием Сильваном, с Митридатом Боспорским и по своему служебному положению, помещает сираков в Крыму, в районе «Ахиллова дрома». Надпись 193 г. свидетельствует скорее об активности Боспора именно на западе: «завоевав сираков, и скифов, и Таврику. . . сделал море свободным для мореплавателей в Понте и Вифинии». Делать заключения о событиях в Прикубанье на основе этой надписи вряд ли правомерно, а следовательно и связывать какие-либо прикубанские комплексы второй половины I – II вв. н. э. с сираками. Приток же сарматов ок. середины I в. н. э. в Центральном и Западном Крыму фиксируется также и археологически.

А. В. СИМОНЕНКО. ИМПОРТНОЕ ОРУЖИЕ У САРМАТОВ

Б. П. Селецкий

Вызывает некоторое сомнение утверждение автора об отсутствии в сарматское время других арбалетов, кроме китай-

ских (с. 65). В данном случае, может быть докладчику следовало бы соблюдать большую осторожность. Дело в том, что античному миру был известен т. н. «гастрарет», представлявший собой нечто иное, как арбалет, тетива которого натягивалась путем весьма остроумного использования тяжести тела и силы обеих рук стрелка (RE, 853–854).

С. А. Яценко

Доклад А. В. Симоненко представляет большой интерес, особенно в плане выявления у сармато-алан восточного оружия (китайских арбалетов, хуннских луков, парфянского доспеха). Автор правильно отмечает, что «эти редкие вещи попадали к сарматам как трофеи или подарки, но не производились ими» (с. 61). Можно добавить, что почти все изделия такого рода к западу от Волги появляются с середины I в. н. э., со времени появления аланов.

1. Как мне представляется, арбалеты могли попасть в руки протоаланов в Средней Азии именно от китайцев (ср.: с. 65). Использование китайцами арбалетов в этом регионе документируется с самого начала их экспансии. В частности, еще в 102 г. до н. э. бывший посол в Фергане (Давани) Яо-Динхань просил императора для захвата этой области войско из 3000 арбалетчиков.

2. Большой интерес вызывает также выделенный А. С. Скрипкиным и А. В. Симоненко ритуальный (?) набор из двух ножей в женских погребениях. В этом наборе один нож гораздо крупнее другого. А. В. Симоненко ищет аналогии этому обычаю и самим типам крупных ножей в Западной Европе (с. 50 сл.) и убедительных аналогий не находит. Между тем, реальные прототипы и такого элемента погребального обряда и таких типов крупных ножей известны в противоположном конце Евразии. Положение набора из двух подобных ножей в специальную емкость известно в погр. 2 Тилля-Тепе. Тип крупного ножа из Соколовой Могилы еще в раннее время (из бронзы) известен по всему сакскому миру от Уйгарака до Минусинской котловины. Тип ножа из Порогов имеет наиболее близкие прототипы в татарской культуре.

3. Наряду с выделяемым А. В. Симоненко доспехом римского и парфянского происхождения (с. 68–70), необходимо отметить выявленный у «сарматов» М. В. Гореликом специфический доспех сакского происхождения, на который, в свою очередь, видимо оказал влияние китайский¹. Работа М. Горелика осталась А. В. Симоненко неизвестной.

¹ Горелик М. В. Сакский доспех. – Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

М. Ю. ВАХТИНА. ГРЕЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КОЧЕВНИКИ В VII—VI ВВ. ДО Н. Э.

М. И. Золотарев

Мне представляется весьма продуктивным взгляд на установление первых контактов между греческим и кочевым обществами как бы «изнутри», причем глазами археолога-античника. Конечно, археологические источники для такого анализа весьма скупы (по сводке автора всего 12 памятников), но тем не менее, выводы, к которым пришла М. Ю. Вахтина не вызывают серьезных возражений.

Я далек от мысли, что разделение всего массива памятников на три равных количественных группы по четыре памятника в каждом регионе, может свидетельствовать о трех вероятных узлах установления первых контактов с номадами. Скорее всего здесь простое арифметическое совпадение. Совершенно согласен с автором, что на раннем этапе греческие вещи попадали к кочевникам и распространялись в степном мире только через существующие к тому времени греческие поселения, а не как результат одиночных случайных плаваний заблудших греческих купцов. Для первых контактов особое значение имеет поселение на острове Березань.

Ойнохой из Темир Горы и из Немировского городища не только хронологически совпадают, но и были изготовлены в одной мастерской и несомненно попали к кочевникам с поселения на о. Березань. Что же касается Пантикапея и предположения о нем как о месте, откуда пришла эта вещь к

кочевникам, то уместно еще раз подчеркнуть, что погребение с ойнохой было совершено еще до основания этой милетской апойкии.

Воздержимся от комментария положения доклада о том, что наиболее ранние архаические погребения кочевников оставлены на пути регулярных сезонных миграций скифов из Степного Прикубанья в Приднепровье. Тем более, что существование у скифов кочевков широтного типа с зимника на зимник по льду как будто бы полностью отвергается этнографами¹.

Полностью соглашаясь с мнением автора, что в VII в. до н. э. источником греко-варварских контактов было поселение на острове Березань, я все же думаю, что контакты кочевого населения степного течения Дона осуществлялись, видимо, несколько сложнее, хотя и вполне возможно не миновали березанского поселения. Напомню лишь о том, что из Таганрогского пос. происходят наиболее ранние архаические материалы еще VII в. до н. э., известные из раскопок греческих памятников как европейского, так и азиатского Боспора. Приведенная в докладе Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова на Международном симпозиуме по проблемам греческой колонизации в г. Вани в 1987 г. обширная сводка ранних материалов из архаических слоев ряда бос-порских городов, убеждает в том, что Таганрогское пос. было древнейшим греческим архаическим поселением этого региона. Новейшие находки архаической керамики с берегов Таганрогского залива, с которыми нас любезно познакомил В. П. Копылов, еще раз подтверждают, что Таганрогское пос. – древнейший памятник греческой архаики в Северо-Восточном Причерноморье.

В связи с вышеизложенным мне представляется, что первые контакты варваров степного течения Дона с греками могли осуществляться через архаическое греческое пос. на берегу Таганрогского залива, которое возникло еще в VII в. до н. э. Сложно пока говорить о более точной дате основания Таганрогского пос. Не исключено, что по пути к Таганрогскому заливу древнегреческие корабли заходили и в березанскую гавань. Однако все это требует дополнительного специального изучения, и прежде всего археологического исследования пос. на берегу Таганрогского залива.

Если наши построения верны, то мы получаем в добавление к Нижнему Побужью еще один регион, через греческие пос. которого налаживались первые греко-варварские контакты – северный берег Меотиды. Конечно, ранних материалов греческой архаики из памятников этого региона пока мало, но они есть и требуют своего объяснения. Одни из возможных вариантов интерпретации этих материалов мы предлагаем выше.

¹ Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Дискуссия.

Б. П. Селецкий

В докладе, как мне кажется, было бы уместным провести сравнение отношений греческих колоний с кочевниками в период античности с аналогичными отношениями крымских, византийских и гетуэских колоний в период средневековья. Учитывая консерватизм кочевой экономики, социальных отношений, и, если можно так выразиться, «внешней политики», такое сравнение могло бы оказаться весьма перспективным¹.

¹ Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. Прага, 1928.

Д. Э. Василенко

Согласно существующей концепции, начало греко-скифских взаимодействий определяется временем основания пос. на о. Березань (Копейкина, 1971; Вахтина, 1984).

Наличие раннего греческого импорта в памятниках Крыма и Тамани объясняется регулярными миграциями скифов из Поднепровья на Кубань через Крым (Вахтина, 1989; Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980). Предложенное «омоложение» даты п. к. у Цукур-Лимана (Вахтина, 1989) вызывает возражения. Наличие в комплексе наконечников стрел I отдела 4 типа 1 вар. (Мелюкова, 1964) позволяет синхронизировать его с п. 25 к. 1 у с. Хапры (Максименко, 1983), датирующимся по античной керамике не позднее рубежа VII–VI вв. до н. з.

Ойнохой из указанных погребений «моложе» самого раннего импорта в Поднепровье (Копейкина, 1974; Полін, 1987). Наличие греческого импорта в Келермесских курганах оспорено (Кисель, 1989). По ряду взаимосвязанных признаков, данные погребения тяготеют к группе погребений келермесского времени низовьев Дона, среди которых к настоящему времени известно 4 комплекса с инвентарем «келермесского» типа, содержащих греческий импорт (Беспалый, Парусимов, 1986; Книпович, 1935; Максименко, 1983) и датирующихся не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э.

Следовательно, большинство комплексов с ранним греческим импортом находится в стороне от реконструируемого пути скифских миграций, предшествующих возникновению греческих поселений Боспора и боспорских колоний. Погребальный обряд и большинство категорий инвентаря указанной группы памятников не находят соответствия в памятниках Днепровской Лесостепи и Закубанья, приписываемых скифскому населению (Скорий, 1987).

Ранее автором было предложено деление совокупности кочевнических памятников новочеркасско-келермесского времени Причерноморья и Кавказа на 2 варианта:

1. Погребения новочеркасского времени в подбоях и катакомбах (Гошко, Отрошенко, 1986) с вытянутыми труположениями на 3 (Дубовская, 1986), локализованные в Степном Причерноморье и генетически связанные с ними памятники келермесского времени низовьев Дона. Особенность группы – малочисленность «воинских» погребений, зачастую вкрапленных в инокультурные могильники как в предскифское (Дубовская, 1987; Исмагилов, 1988; Тонсева 1980) так и в келермесское время (Виноградов, 1972; Есаян, Погребова, 1985; Чернопицкий, 1987), что может быть объяснено спецификой миграционных процессов населения, оставившего данные памятники: формирование отрядов из мужчин-воинов с последующей инфильтрацией в иноэтническую среду (Поплинский, 1986).

2. Комплексы со специфическими формами упряжи и вооружения «кобанского» типа новочеркасского времени; шатровые подкурганские культово-погребальные сооружения Закубанья и Поднепровья пред- и раннескифского времени (Скорый, Бессонова, 1987; Эрлих, 1989).

Продвижение носителей чернолесской культуры на Днепровское левобережье и далее в степь (Ромашко, 1979; 1984) повлекло за собой вытеснение в Степное Причерноморье населения, оставившего памятники 2 варианта (Буйнов, 1985; Дубовская, 1989; Ковпаненко, 1985), ранее обитавшего на пограничье степи и лесостепи в Поднепровье (Боккий, 1980). Следствием указанных процессов явилось передвижение из Причерноморья в Подонье основного ядра 1 варианта. На рубеже новочеркасского и келермесского времени Дон являлся границей групп населения, оставивших памятники 1 и 2 вариантов (Раев, 1979). В этот период были прерваны регулярные миграции носителей 2 варианта из Поднепровья в Закубанье. В позднейшее предскифское время оба варианта были локализованы на Кавказе: 1 в Центральном Предкавказье, затем — Западном и Центральном Закавказье, а 2 — в Закубанье. Последующие миграционные процессы обоих вариантов реконструируются на основании анализа импортов:

В ранних памятниках 2 варианта импорт представлен центральнокавказскими ситулами (Панцхава, 1989), позднее в памятниках этого варианта отмечены детали упряжи (Петренко, 1980) и защитного вооружения (Дударев, 1989), определяемые как ассирийский или урартрийский импорт. В келермесское время последние более разнообразны и широко представлены в памятниках Закубанья. Погребения, по специфическим категориям инвентаря тяготеющие к памятникам данного варианта, отмечены в Приурмийском районе (Ghirshman, 1979; Gladisr, Hauptmann, 1974; Erzen, 1978).

Согласно своим диагностирующим признакам, все погребения с ранним греческим импортом могут быть включены в совокупность памятников 1 варианта. Ближайшие аналогии как амфор, так и ойнохой из этих комплексов, происходят из ионийских центров (Милет, Родос, Самос) и датируются не позже середины VII в. до н. э. (Grace, 1971; Schiering, 1957; Technau 1929). В этом контексте следует отметить найденные на Самосе прорезной колокольчик, близкий северокавказским образцам (Bouzek, 1973) и зеркало с бортиком и центральной ручкой (Samos, VII). Все приведенные данные согласуются с античными источниками (Callin, Fr. 3-5; Archiloch, Fr. 20; Her., 1, 6; 15).

По возвращению из «переднеазиатских походов» население, оставившее памятники 1 варианта, возвращается в Степ-

ное Предкавказье. Вероятны попытки занять территорию, оставленную носителями 2 варианта (Дергачев, 1979; Мурзин, 1984), но они были пресечены возвращением последних и возобновлением регулярных миграций из Закубанья в Поднепровье. Эти сезонные миграции продолжают по первую пол. V в. до н. э. (Толстикова, 1984). Переселение в Степное Причерноморье носителей 1 варианта идет с конца VI по первую пол. V в. до н. э. (Аптекарев, 1986; Кереев, 1986) и связано с возникновением и развитием греческих поселений Северного Причерноморья, на которые переориентировалось население, оставившее памятники 1 варианта (Мурзин, 1986).

**Г. Н. КУРОЧКИН. РАННИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СКИФСКОГО ИСКУССТВА (НОВЫЙ
ФАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
И НЕОБХОДИМОСТЬ ПОСТРОЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ)**

Б. П. Селецкий

В докладе Г. Н. Курочкина приводятся веские аргументы против переднеазиатской концепции происхождения скифского искусства. Устанавливается весьма интересная связь между миграционными маршрутами индоиранцев и путями распространения «художественных инноваций, близких к более позднему скифскому искусству» (с. 104). Жаль, что говоря о сюжетах митаннийской глиптики (с. 103), автор не уделил должного внимания сюжетам майкопского серебряного сосуда и триалетского серебряного кубка, где, как нам кажется, имеют место зачаточные элементы будущего звериного стиля¹. В связи с зарождением и распространением, если можно так выразиться, «протозвериного» стиля, кажется, появляется соблазнительная возможность поставить вопрос о происхождении степного кочевого скотоводства от горного в результате миграций горцевскотоводов, привыкших к горному, «вертикальному» скотоводству, в степи, где «вертикальное» кочевье неизбежно должно было превратиться в степное «горизонтальное»².

¹Ср.: Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977, с. 8 сл., особенно с. 22, сн. 3.

² О взаимосвязи степного и горного скотоводства см., напр., Стопор Ч. Шерпы и снежный человек. М., 1958, с. 129.

**С. А. ЯЦЕНКО. САРМАТСКИЕ И СКИФСКИЕ
ЭЛЕМЕНТЫ В АНТРОПОМОРФНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПРИКУБАНЬЯ
КОНЦА IV—ПЕРВОЙ ПОЛ. III В. ДО Н. Э.**

С. В. Гуркин

В докладе С. А. Яценко сделана попытка доказать сарматскую принадлежность сцен, изображенных в склепе Анфистерия и на ритоне из с. Мерджаны.

С основными доводами автора можно согласиться, но вызывает удивление утверждение С. А. Яценко о том, что у сарматов обнаружены и святилища с женской деревянной статуей и приносимыми ей в жертву лошадиными головами (с. 123). По мнению автора, этот тезис подтверждается материалами раскопок кург. 11 Дорофеевского мог. в Октябрьском р-не Волгоградской обл.¹

Однако, святилище из кург. 11 является памятником половецкого, а не сарматского времени, о чем красноречиво свидетельствуют материалы раскопок кург. 12 и 23 Аксайского мог. в том же р-не². К сказанному следует добавить, что на территории Ростовской обл. и в сопредельных регионах исследовано значительное количество половецких святилищ с деревянными и каменными изваяниями, аналогичных святилищу из кург. И Дорофеевского мог.³

Сооружение подобных святилищ-ям в насыпях курганов эпохи бронзы и раннежелезного времени можно связать с заключительным актом поминального обряда половецкого времени, сходного с древнетюркскими и казахскими поминальными обычаями, когда изваяние, служившее временным вместилищем одной из нескольких душ умершего, после заключительных поминок отправляли в потусторонний мир⁴.

С. А. Яценко был введен в заблуждение сведениями из предварительного сообщения К. С. Лагоцкого и В. П. Шилова в сб. «АО-1976 г.», где говорится, что единственное погр. в кург. 11 Дорофеевского мог. относится к позднесарматскому времени. Его выкид лежит на древнем горизонте. Выкид из ямы-святилища также располагается на древнем горизонте, что наводит на мысль о одновременности сооружения могилы и святилища. Однако, автор доклада, по-видимому, не знаком с отчетом В. П. Шилова и К. С. Лагоцкого о раскопках. На чертеже бровки кург. 11 отчетливо видно, что выкид из ямы-святилища лежит не на древнем горизонте, а на насыпи, относящейся к захоронению позднесарматского времени⁵.

В заключение необходимо отметить, что С. А. Яценко следует более внимательно подходить к отбору доказательств сарматской принадлежности сцен, изображенных в склепе Анфистерия и на ритоне из с. Мерджаны.

¹ Лагоцкий К. С., Шилов В. П. Исследования Волго-Донской экспедиции. — АО за 1976 г. М., 1977, с. 157 сл.

² Шилов В. П. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1975 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 5532, с. 8, рис. 18, 72.

³ Гуркин С. В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону. — СА, 1987, № 4; Мирошина Т. В. Раскопки курганов у с. Бешпагир. — АО за 1983 г. М., 1985; Кореневский С. Н., Андреева М. В., Ульянова О. А. Работы Ставропольской экспедиции. — АО за 1986 г. М., 1988.

⁴ Галданова Г. Р. Доломаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

⁵ Шилов В. П., Лагоцкий К. С. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1975 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 6295, рис. 95.

**А. Д. БАБАЕВ. ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И ПОСЛЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ**

Б. Абдулгазиева

Доклад написан на основе письменных сообщений античных и китайских авторов, данных археологических исследований как самого автора, так и других ученых. Однако не

все суждения автора бесспорны. Остановимся на некоторых из них.

1. Содержание доклада не соответствует названию. Здесь говорится только о Бактрии, и большое внимание уделено Памиру, а другие государства Средней Азии упоминаются вскользь, и не все.

2. Конкретной цели и задачи в докладе не ставится, круг решаемых проблем не очерчен, поэтому нет четкости в изложении, нет единой линии, встречаются противоречия.

3. Излагаемые события не всегда подкреплены ссылкой на источник. Констатируются известные факты истории, но если бы они были нанизаны на свежие идеи, то и воспринимались бы по-новому.

4. При изложении политического положения в рассматриваемом регионе, с нашей точки зрения, допущены неточности. Так, в состав государств Александра Македонского и Селевкидов включена вся Средняя Азия (с. 127). История походов Александра Македонского породила массу литературы, хорошо известно и то, до каких пределов он дошел, и никем не оспаривается, что не вся Средняя Азия была им покорена, что отмечает, между прочим, и сам автор доклада на с. 131, противореча тем самым самому себе: «Бактрия и Согдиана были теми областями, которые стали пределом завоевания Александра на Востоке». Отметим: Хорезм, Фергана сохранили свою независимость, а также племена по Средней Сырдарье. То же относится и к государству Селевкидов. Но входил ли в это государство Согд – предмет дискуссий. В середине III в. до н. э. от Селевкидов отделяется не только Бактрия, но и Парфия.

В состав Кушанского государства докладчиком включена «значительная часть Средней Азии» (с. 128), а какая именно, не указывается. Автор говорит о сокращении в III в. н. э. владений кушан на СВ и потере некоторых владений на севере и юге – опять без указания этих владений и ссылок на источники (с. 137). Известно, что Фергана, Хорезм, Кангюй и Парфия сохранили самостоятельность, но неясен вопрос с Согдом. Одной из кушанских проблем до сих пор остается вопрос о границах этого государства, и в частности (коль скоро речь идет о Средней Азии), о северных. Кушанской проблеме были посвящены три международных симпозиума, материалы которых автор не использует в своей работе.

М. Е. Массон очерчивает северную границу Кушанского государства по Гиссарскому хребту и Байсунтау, а земли к северу, начиная с Кашкадарьинского Согда, относит к другому государству — Кангюю¹. Хотя не все исследователи с этим согласны, но новые археологические данные на юге Узбекистана в какой-то мере подкрепляют предположение М. Е. Массона².

5. Вопрос о кочевых племенах, обитавших на территории Средней Азии, очень сложен. Говоря о саках добавим, что они были не только кочевниками, но и оседлыми: известны их поселения в Фергане, датируемые Б. А. Литвинским VI–IV вв. до н. э.³

6. Неудачно, на мой взгляд, использован термин «тип» применительно к населению, когда речь идет не об этносе, а о формах ведения хозяйства.

¹ М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства Великих Кушан. – Общественные науки в Узбекистане, 1968, № 8.

² Э. В. Ртвеладзе. Стена Дарбанда Бактрийского. – Там же, 1986, № 12.

³ Б. А. Литвинский. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. – История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 52 сл.

Н. Ф. ШЕВЧЕНКО. САРМАТЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ (I В. ДО Н. Э.—II В. Н. Э.)

С. А. Яценко

1. Автором сделан резкий акцент на ведущую, по его мнению, роль Боспора в боспоро-сарматских отношениях. К сожалению, каждый из фактов, приводимых Н. Ф. Шевченко для аргументации своих положений, допускает и прямо противоположное толкование. Докладчик априорно представляет кочевников пассивной, страдающей стороной, игрушкой в руках оседлых соседей. Этот вывод столь же широко распространен среди историков и археологов-античников, сколь и слабо аргументирован. Отсюда специфическая

терминология доклада: «кратковременное использование военных формирований одного племенного союза кочевников против другого» (с. 143); «уменьшается потребность в военных силах кочевников и, естественно, снижается их значимость в делах государства» (с. 149).

2. События в Прикубанье конца I в. до н. э. – первой пол. I в. н. э. можно связать с появлением новой этнической группы, оставившей комплексы «зубовско-воздвиженского» типа. Последние содержат множество черт, не имеющих никаких аналогий в культуре сарматов и меотов Восточного Приазовья, и многочисленные – у народов Средней Азии, Саяно-Алтая и Монголии. Резкое сокращение Боспорского экспорта кочевникам Прикубанья в последние два десятилетия I в. до н. э., на мой взгляд, объясняется не столько отсутствием заинтересованности в торговле со стороны Боспора (с. 141 сл.), сколько военным конфликтом пришельцев с Боспорским царством. Об этом свидетельствуют и другие факты. Например, исчезновение могильников кочевников на Правобережье Кубани при одновременном появлении на левом берегу новых «зубовско-воздвиженских» памятников. Тогда же начинается уникальное массовое переселение оседлых меотов из Прикубанья через степь к устью Дона. От кого могли бежать меоты? Очевидно не от Боспорских правителей, т. к. устье Дона как раз со времени Фарнака и Асандра перешло к Боспору (Страбон). Иными словами, многие важные события можно связать с перекройкой этнической карты прикубанских степей.

3. «Сарматы» представляются Н. Ф. Шевченко по отношению к Боспору абсолютно недифференцированной массой. В действительности речь идет о племенах различного происхождения (савроматского, дахского, массагетского и др.) и, видимо, с разной политической ориентацией (роксоланы и сатархи, соседившие с Европейским Боспором, и сираки, аспургиане, проживавшие на его азиатской стороне).

4. Справедливыми представляются выводы о датировке событий танаисской надписи 193 г. н. э. рубежом I–II вв. н. э. (с. 144 сл.) и о том, что почти полное исчезновение «сарматских» погребений во второй пол. I в. н. э. можно связать не с сиракско-аорсской войной 49 г., а с последующей военной активностью Боспора (с. 145). Вероятно, о чем автор не пишет, речь идет о противодействии новому могущественному соседу – донским аланам.

Следует заметить, что автор учитывает лишь отношения сарматов с Боспором, совершенно оставляя в стороне явления разложения кочевого быта в связи с социальной дифференциацией, ведущей к усилению седентаризационных процессов и к распаду некогда, видимо, более или менее монолитного союза сарматских племен. Кроме того, автор не делает в сущности никаких попыток связать историю сарматов Восточного Приазовья с событиями на западной границе Сарматии (см. доклад М. Б. Щукина).

А. В. ЭДАКОВ. К ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ЕГИПТОЛОГИИ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЮЖЕТОВ СКИФСКОЙ ИСТОРИИ

С. А. Яценко

1. Автор придерживается общепринятой в настоящее время точки зрения В. А. Ильинской, считавшей известные терракотовые фигурки всадников, найденные в Киликии, Сирии и Египте, изображениями скифов, сделанными местными жителями в период скифского вторжения¹. Сами скифы, как считается, таких изображений не делали. Однако ряд соображений заставляет усомниться в справедливости этого.

2. На первый взгляд, в ее пользу свидетельствует отсутствие таких фигурок в погр. номадов и то, что в каждом регионе Ближнего Востока эти статуэтки разнятся по стилю. В действительности же, строго говоря, нам известно лишь, что у скифов не существовало обычая помещать их в погребения. Подобные статуэтки стоящих всадников в детально переданных головных уборах известны у ираноязычных кочевников Средней Азии, оседавших на землю в Бактрии, и у «поздних сарматов» нач. III в. н. э., оседавших на Боспоре. Во всех случаях статуэтки найдены в культурных слоях городищ. Считается, что в скифском искусстве изображения спокойно стоящего всадника не известны. Это неверно: та-

кие всадники представлены на концах гривны из Куль-Обы. Привлекает внимание одна деталь: кафтан изображенных запахнут не справа палево, как всегда у скифов, а наоборот. По данным этнографии «неестественный» запах связывается с божествами и умершими, с нижним миром. В связи с этим стоит вспомнить традиционную трактовку бактрийских статуэток всадников как изображения умерших предков.

3. Принято считать, что скифы на всех изображениях на переднеазиатских терракотах имеют одинаковый костюм. С этим также нельзя согласиться. Например, в Мемфисе изображены только бышлыки «кульобского типа»; в Нейрабе уборы совершенно иные – конические шапочки с околыш-ком, а также капюшон кафтана, прикрывающий голову; в Тарсусе известны лишь конические шапочки.

Сказанное выше позволяет предположительно считать авторами статуэток самих скифов, а локальные стилистические и костюмные отличия связать с временной локализацией различных племен — участников скифских походов.

¹ Ильинская В. А. Изображения скифов времени переднеазиатских походов. – Древности степной Скифии. Киев, 1982.

А. И. МАРТЫНОВ. О КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВ ДРЕВНЕГО МИРА И СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Л. Ю. Китова

Доклад А. И. Мартынова безусловно интересен и очень дискуссионен. Не вызывает сомнений, что общества степной Евразии прошли свой путь исторического развития, отличный от обществ древнего мира. Безусловно, что древние общества взаимодействовали друг с другом, влияли друг на друга. Но влияние ближневосточных и античных цивилизаций на варварский мир было намного большим, чем обратное влияние. И как бы нам не хотелось повысить историческую роль обществ степной Евразии (А. И. Мартынов гово-

рит о приниженной роли этих обществ по отношению к обществам древнего мира), конкретные исторические факты против этого. И это понятно; уровень развития культуры и материальной, и духовной у рабовладельческих обществ древнего мира намного выше, чем у народов т. н. варварского мира. Тем более, что VII–VI вв. до н. э. связаны с расцветом рабовладельческих отношений в Передней Азии, а III в. до н. э. – в Индии и Китае.

И почему путь развития обществ степной Евразии мы обязательно должны называть «цивилизацией»? Возможно, это связано с несколько расплывчатым определением понятия «цивилизация». Это определенная ступень общественного развития, определенный уровень материальной и духовной культуры? Хотя еще Ф. Энгельс связывал этот уровень с развитием классовых отношений и становлением государства. В 1958 г. на совещании в Чикаго по проблеме города, на основании 11 критериев цивилизации, выдвинутых Г. Чайлдом, была предложена сокращенная триада признаков цивилизации: наличие городов с численностью населения более 5000 человек, письменности и монументальной архитектуры.

Дефиниция понятия «цивилизация», на наш взгляд, должна быть идентичной для всех обществ.

А. И. говорит, что у скотоводческих и кочевых обществ должны быть свои особые признаки цивилизации. Очень хотелось бы тогда услышать от автора эти признаки с обоснованием критериев их выдвижения для «степной цивилизации».
